

УДК 13:316.37

ВОЗМОЖНА ЛИ МЕТАФИЗИКА ОДНОМЕРНОГО И ЧАСТИЧНОГО ЧЕЛОВЕКА?

Г.К. Сайкина

Аннотация

В статье допускается возможность проживания одномерным и частичным человеком метафизических событий ввиду того, что одномерность приобретает форму индивидуальной идентичности, «Я», и тем самым функционирует как некая целостность. Однако внедрение социального измерения в сферу метафизики может разрушить единство метафизических сущностей – «метафизический круг» и способствовать подавлению одним метафизическим явлением других, приводя к «одномерной» метафизике.

Ключевые слова: метафизика, одномерный человек, частичный человек, социальность, идентичность, целостность, человечность, профессия, трансцендентное, метафизическое рождение.

Человек *в сущности своей* есть «само-родок»: единственный в своем роде и сам себя родящий. В процессе самопорождения он выходит за пределы «физики» (данности, фактичности, стихийной, внешней обусловленности), проявляя тем самым свою мета-физическую сущность. По сути своей, он не имеет физических причин для своего возникновения. Быть самородком и быть метафизическим существом суть одно и то же.

После смерти Бога – сердцевины трансцендентного – человек поместил *себя* в трансцендентный мир и возомнил первоначалом мира. Бытие тотально совпало с человеком. Трансценденция стала прямой устремленностью человека к самому себе, но к себе как к Иному. Не случайно поэтому именно в это время в философии конституируется категория «Другой» (взамен категории «Иное»). Акцентируя собственную само-бытность, человек становится безопорным.

Парадоксально, но есть, на наш взгляд, доля истины в том, что сама идея трансценденции человека возникает *в полном объеме* только после того, как исконное онтологическое трансцендентное было умерщвлено человеком. Отныне ничто не обуславливает его. В подлинном смысле развить идею человеческого *самотворения* – идею метафизических событий, которые человек начинает как будто с нуля – логически возможно, отказавшись от концепта онтологически предзаданной, неизменяющейся человеческой сущности и объявив сущностью человека *ничто*. Ярче всего об этом заявили экзистенциалисты. Собственно, сама жизнь вынуждала человека того времени творить «из ничего» (в логике «креационизма»): объективность (война) уже освобождала человека от всего заданного – от всего, что он имел, от того, кем он являлся. Реально

и концептуально появляется «чистый» метафизический человек (у которого, по сути, нет «природы»). С этого момента и возникает «человеческая метафизика», метафизика самого человека.

Экзистенциализм мыслил метафизическое рождение прежде всего как преодоление «физики» социального уровня – социальной обусловленности и обезличенности. Трансценденция в их логике, по всей видимости, должна была способствовать тому, чтобы превзойти все то, что может редуцировать человека к какой-то частичности, функции.

Однако сегодня такая важнейшая социальная функция человека, как *профессия*, обретает форму его *идентичности*, внутреннего «Я», пронизывает всю его жизнь. Современная экспансия социальности, тотально владея человеком изнутри, приводит к тому, что человек строит свою идентичность во многом только исходя из своего профессионального статуса, то есть «одномерно». Профессия «съела» всю идентичность. У. Бек считает, что «мир обезумел», если «в ситуации, когда двое незнакомых людей при встрече спрашивают друг друга: «Кто вы?» – и в ответ называют не хобби (голубятник), не религиозную принадлежность (католик), не эстетический идеал (вы же видите: рыжая и пухленькая), а *профессию* (квалифицированный рабочий у Сименса), причем как нечто совершенно естественное» [1, с. 203]. С ним, возможно, согласился бы Ж. Бодрийяр, считающий производство воспроизводством «меченых людей». Но эта «метка» сегодня внедрилась в те глубины человеческого существа, где он раньше еще мог отстраниться от нее, мог оставаться самостийным – в его идентичность.

Профессиональная идентификация выстраивает способ отношений между людьми. Вспомните отечественный фильм «Двадцать лет спустя»: бывшие одноклассники не смогли воспринять фундаментальную для главной героини (матери-героини) идентификацию: «Я – мама»; их интересовала ее профессия.

Способен ли к метафизическим событиям частичный, одномерный человек, полностью сведенный к своей функции? Легче всего занять позицию отрицания у него метафизического начала. Действительно, традиционно на основе понимания человека как целостности и полноты метафизические события (мышление, любовь, вера, совесть, творчество) осмыслялись как акты, требующие собирания человека, пребывания его целиком. И сами метафизические сущности считались целостными, неделимыми. Так, крупный исследователь человеческой метафизики М.К. Мамардашвили (концепцию которого мы разделяем) пишет о метафизических сущностях следующее: «В свое время Вольтер, повторяя до него сказанное, как-то заметил, что добродетели не может быть половина. Или она есть или ее нет. Есть, действительно, ряд неделимых явлений, которых не бывает ни меньше, ни больше. Они или есть, или их нет. Таковы добродетель и совесть. И бытие таково» [2, с. 36]. Целостная (а не функциональная, частичная) вовлеченность человека в метафизические акты в свою очередь требует и отношения к другому человеку как к целостности. Совершая метафизические акты, человек просто подтверждает свою человечность, а во все не определенный статус и освобождается от функциональной отчужденности. Метафизические «феномены» тем самым понимались как конструктивные способы организации человеческого бытия, требующие от человека предельных усилий.

Попробуем сами совершить философский метафизический акт: посмотреть на метафизический феномен иначе и заняться поиском метафизики одномерного и частичного человека. Как может любить, мыслить, верить, творить, мучиться угрызениями совести «часть», функция? В.В. Биbihин обращает внимание, что слово «часть» с учетом его этимологии означает «насильно оторванное, отгрызенное», «откусанное от целого» (см. [3, с. 155]). В таком случае одномерный человек – своего рода «огрызок». Способен ли он на собиpание и единение с другой целостностью, сможет ли «огрызок» обрести «вторую половину» (если она так же отгрызена)? Прислушаемся прежде к интересной рекомендации Биbihина: «Я говорю, что где есть часть, там обязательно есть надрыв, который однако всего легче в наше время просто не заметить. Им можно пренебречь, занимаясь только тем, как пристроить наличную часть. Но единственный способ понять часть в ее существовании как оторванное от целого, которого соответственно тоже уже нет, дан в обращении внимания к надрыву, без которого нет и следа целого» [3, с. 163].

Мы должны признать, что сегодня в ситуации единодушного признания тезиса об опустошении трансцендентного метафизического феномена вовсе не превратился в рудиментарную форму. Напротив, люди жаждут метафизического, и это желание во многом подстегивается СМИ через создание проектов, запускающих мышление, любовь, совесть, сострадание. Происходит языковая и визуальная атака, возводящая метафизические акты в идеалы человеческого существования, даже в своего рода «моду». Таким образом, метафизическое сегодня превращается в массовый феномен.

Метафизика человека определяется его «Я». Мы считаем, что функция (часть) одномерного человека, приняв статус «Я», идентичности, обретает *форму целостности* и начинает существовать и функционировать как *целостность*. Социальная функция сегодня не обезличивает человека, а, наоборот, придает ему «лицо». Он уже не ощущает ее как «физику», извне навязанную обусловленность. Именно поэтому и возможна метафизика одномерного человека. Сама одномерность скрыта от человека; он живет в своем самосознании как целостный человек. При этом он, как ни странно, может быть даже в большей степени «целостен» и гармоничен, чем многомерный человек, и как раз благодаря своей одномерности, ведь в нем нет внутреннего дисбаланса. Не случайно Г. Маркузе отрицал отчуждение одномерного человека: «Я уже отметил, что понятие отчуждения делается сомнительным, когда индивиды отождествляют себя со способом бытия, им навязываемым, и в нем находят пути своего развития и удовлетворения. И эта идентификация – не иллюзия, а действительность, которая, однако, ведет к новым ступеням отчуждения» [4, с. 274].

У. Бек, считая странным ставить знак равенства между человеком и профессией, одновременно отмечает важную вещь: «В обществе, где жизнь нанизывается на нить профессии, эта последняя действительно содержит определенную ключевую информацию – доход, статус, языковые способности, возможные интересы, социальные контакты и т. д.» [1, с. 203]. Следовательно, профессиональная идентичность может отсылать нас к другим проявлениям человека, ставя тем самым *принципиальную* одномерность под вопрос.

Одномерный человек благодаря «одномерной» *идентификации* не чувствует разницы между собственно человеческим и социальным. Тем самым в метафизических актах он не ощущает необходимости преодоления своего социально-профессионального статуса. Социальное теперь – не что-то внешнее, не «Сверх-Я», не «Другое Я», а само «Я». Метафизика одномерного человека, на наш взгляд, держится как раз *благодаря* внутреннему, инкорпорированному в него социальному содержанию. Как писал Мамардашвили, «по своей природе мы рассеяны; по своей природе некоторые духовные, культурные и другие человеческие состояния не могли бы удерживаться и рассеивались бы», жизнь человека как человека «реализуется на основаниях, отличающихся от природных оснований» [2, с. 71]. Возможно, именно частичность и функциональность человека, имеющие социальную основу, – это благо для современного человека, постоянно стремящегося к децентрации, так как не позволяют ему «рассеиваться». Господство социального в сфере идентичности может способствовать тому, что метафизика человека перестает быть избыточной для самой социальности.

Современная ситуация обнажает амбивалентность метафизического: можно, к примеру, любить или дружить как преподаватель, как начальник, как киллер, как проститутка, а не как *человек вообще*, как считалось раньше (при этом мы вовсе не хотим как-то иерархизировать эти разные проявления в зависимости от статуса, а констатируем их различия). Можно мыслить партикулярно; как говорят социологи знания, человек не мыслит, а лишь участвует в работе «мыслительного коллектива», задающего стиль мышления. Можно быть добродетельным именно в соответствии со своей профессией, выстраивая весь спектр отношений с людьми на основании норм профессионального этоса. Подмена антропной и индивидуальной идентичности профессиональной, возможно, и является коренной причиной современного появления практически в каждой области человеческой деятельности своего профессионального морального кодекса. Можно быть счастливым не оттого, что к тебе пришла любовь или творческое озарение, а просто оттого, что ты занимаешь «элитную» должность.

В метафизике одномерного человека тоже может быть бескорыстность, неделимость, целостность, то есть тот же «метафизический состав», что в метафизике целостного человека. Невозможно поэтому уверенно отрицать истинный метафизический статус любви, дружбы, веры, мысли, добродетели.

Но дело в том, что есть разница между самой метафизической сущностью и тем, как мы ее разворачиваем, распредмечиваем. Метафизические феномены – это не только внутренние состояния, чувства, но и внешнее поведение. Любое метафизическое событие «продолжается», проявляется в человеческом поведении. Как писал Мамардашвили, в мире никогда не было чистой морали или бескорыстной любви, но они случаются. А случаются по-разному.

Традиционно философами утверждалась самоосновность метафизических актов, проявляющаяся и в том, что невозможно заставить себя любить, верить, мыслить, делать добро. Сегодня прилавки книжных магазинов и телепередачи заполнены информацией о том, как влюбить в себя, как стать счастливым, как правильно верить, творить и т. п. Значит, важно просто знать правильные «техники» любви, счастья и т. д.?! Тем самым метафизическое «рождение» становится техничным и технологичным; возникает инструментальное (функциональное)

отношение к самой метафизике, исчезает «чуждость» метафизических событий. Происходит некая «невозможность»: начать с «нуля» метафизику сегодня невозможно. Происходит и некое смещение: к примеру, мы уже не столько любим, сколько любим «технику» любви и «техникой» любви и проверяем на себе профессионально предложенные рекомендации. Испытывая себя на «метафизику», мы превращаем себя не в субъекта метафизических событий, а в испытуемого объекта, на котором (правда, мы сами) проверяем чужие советы, чужие технические приемы.

Сегодня, оказывается, если и есть место метафизическому в человеческой жизни, то во многом благодаря профессиональной вовлеченности и статусу: человек философствует и оформляет свои мысли в виде той или иной статьи, потому что есть социальная принудительность дисциплины, а не только потому, что пришло вдохновение; человек может быть нравственным, потому что этого от него требует его профессиональный долг и т. д. Осмысляя, к примеру, последнее, можно обнаружить и позитивные моменты: процесс институционализации морали через профессиональную сферу в ситуации кризиса общечеловеческой морали не дает ей исчезнуть и становится рычагом напоминания человеку, что он должен быть нравственным и человеческим.

Однако одномерность может приводить к существенному изъяну человеческой метафизики. Одномерный человек действительно может по отдельности проживать и осуществлять те или иные метафизические акты. Однако включение сугубо социального содержания в осуществление метафизического может способствовать разрушению единства метафизических сущностей, целостности самой метафизики, которую мы назвали «метафизическим кругом». Мы имеем в виду то, что все метафизические сущности в целостном человеке предполагают другие, вытягивают, как ниточку, другие сущности: нельзя быть нравственным без любви; мысль можно рассматривать как поступок; философствование предполагает философскую веру; творчество дарует счастье; любовь невозможна без ответственности за себя и другого и т. д. Метафизическое требует от нас стремления к совершенству. Анализ метафизики одномерного человека позволяет открыть, на наш взгляд, новую сущностную характеристику человеческой метафизики как таковой: вероятно, именно нераздельное единство и целостность метафизических сущностей и делают человека человеком, а метафизику человеческой. Кроме того, возможен вывод и о «неделимости» самого человека: нельзя быть человеком в одном отношении и не быть человеком в другом, то есть быть человеком на какую-то часть.

Для наглядности тезиса о разрушении единства метафизических сущностей у одномерного человека обратимся к философствованию – метафизическому акту, также «рождающему» человека. Процесс профессионализации духовной деятельности не обошел и философию. Метафизическое событие философствования, облекаясь в социальную форму, теряет свою тайну, уникальность и событийность. Философ обрастает «профессиональным опытом»; он может совершать чистые, подлинные метафизические акты рождения мысли, но в чистых человеческих отношениях он – сплошь рациональный – может быть непроницаемым для бед ближнего, для простого человеческого понимания и внимания. Привычка мыслить, рационализировать в любых ситуациях срывает в первую

очередь, вызывая подчас атрофию способности к человеческому сочувствию, любви, обыкновенного умения просто выслушать человека. *Профессиональная форма* проживания метафизических феноменов прочно оседает внутри человека и способствует тому, что и дома философ – немного «дальний». Философствование становится его «естественным органом», который он не может в себе преодолеть.

Однако «одномерные» люди ожидают от близких людей полноты и глубины человеческих отношений. Профессиональное в межлических отношениях считается инородным, наслоенным на человека, тем, от чего дома необходимо отказаться, тем, что нужно оставлять на работе. Но это во многом невозможно: оно прочно вросло в плоть, способ мышления и поведение человека. Появляется некая асимметрия в отношениях, несовпадение ожиданий и собственных проявлений. За счет «о-естествления» профессионального, превращения профессионального в суть нашего «Я» мы перестаем жить в мире «ближних», в мире чисто человеческих отношений. Это происходит с людьми разных профессий, но ярче всего – на контрасте – это наблюдается в областях, связанных с духовностью. Итак, у одномерного человека – крепкие *внутренние* социальные «сцепления», которые нельзя расцепить даже в повседневном своем существовании, не требующем проявления «профессионализма».

Постоянно воспроизводить метафизические сущности человек может только *сам* благодаря осознанной устремленности к ним, высвобождая для них место в будничном течении жизни. Для осуществления актов метафизики человек будто бы каждый раз заново должен выстраивать необходимые метафизические «органы» (или, как их называл Мамардашвили, «органы онтологии»). Одномерный и частичный же человек совершает акты метафизики своим устойчивым и стабильным профессиональным органом, а не метафизическим. Задействование в актах метафизики социально-профессиональных органов уже не требует постоянного нахождения в режиме предельного усилия, постоянной работы над собой. Современный человек вообще больше озабочен тем, как ему расслабиться, а не как совершить усилие.

Разрушение «метафизического круга», возможно, вызвано современной «сцепкой» человеческого с социальным, которую уже невозможно преодолеть. Тем самым метафизическое в современности начинает жить внутри человека по социальным законам господства-подчинения. Властные отношения проникают в сферу метафизического, и одно метафизическое явление может вытеснять другое, господствовать над другим и даже подавлять его. Вероятно, можно говорить о формировании социальной институциональности внутри самого человека. Одномерный человек не только не может проявить свое «чистое» человеческое, а в некотором роде порождает бесчеловечные следствия. Человек, философствуя, становится безнравственным, человек нравственный не любит, человек верующий грешит, человек любящий безответственен и т. д. «Гений» и «злодейство» становятся вполне совместимыми. Итак, если традиционно метафизика освобождала человека от засилья социальности, то сегодня свободный выбор лишь конституирует и упрочивает новую форму властных отношений, причем в той области, которая была «свободна» от порядка социальности. Тем самым социальное завоевание человека происходит через внедрение в сферу

метафизики, причем оно происходит «руками» самого человека. Социальное подавляет человека через внутреннюю, инкорпорированную социальность самого человека. Это вполне вписывается в идеи так называемого «мягкого» властвования.

С нашей точки зрения, «метафизический круг» поддерживал некую «чистоту» и целостность единичных метафизических сущностей. Несоблюдение принципа единства метафизических сущностей приводит, на наш взгляд, к тому, что исчезают, размываются различия между добром и злом, любовью и ненавистью, мышлением и «цитированием», верой и неверием. Современная эпоха вообще характеризуется устремленностью к «мягким», текучим формам. А они могут способствовать тому, что будет допускаться любовь на сколько-то процентов (а значит, и ненависть), какая-то доля совести и т. д. Современный одномерный человек хочет какой-то микродозированной – частичной – метафизики.

В метафизической области возможна одна «хитрость», которую и проделывает современный человек. Метафизические события в философии рассматриваются с позиции их проживания самим субъектом этих событий. Но они всегда интенциональны. Современному человеку больше хочется не любить самому, а быть любимым; не поступать, а быть адресатом добра; не верить, а быть тем, кому верят; не мыслить, а быть скриптором. При этом он искренне считает, что испытывает метафизические чувства и совершает метафизические акты, на самом деле он «стихийно» окунут в метафизическую область, боится рискнуть любить, верить, думать, делать добро, творить – словом, жить – и желает быть объектом направленности чужой метафизики.

Мамардашвили, интерпретируя метафизику А. Арто, находит у него мысль о так называемых «абортивных рождениях», «абортивном существовании», когда рождаются «полудуши», «получеловеки», «абортивные уроды», когда останавливаются на полдороге, когда сталкиваются «половины мысли». Так, он пишет: «Ведь мы в нашей культуре живем жизнью теней недородившихся людей, у которых все осталось на уровне полусуществования. У нас ведь не честь, а намерение чести. Не свобода, а намерение свободы. Не искренность, а намерение искренности. У нас ведь не мысль, а намерение мысли... Нам достаточно, если есть намерение любви – значит, мы любим. Если у нас есть позыв искренности – значит, мы искренни. Если у нас есть позыв чести – значит, мы честны... Это все недосуществование» [5, с. 382–383]. Метафизику одномерного и частичного человека можно, на наш взгляд, отнести к такому типу «рождения» человека. Это не «второе рождение», ничем не опосредованное, каким рождается истинно метафизический человек, а частичное (отгрызенное), как он сам. Но это и не «зависимые рождения», когда «меня рождает что-то в каком угодно виде и смысле, подвластном натуральному ходу вещей» [2, с. 43], так как есть собственное «намерение рождения». Это «одномерное» рождение с уродливыми проявлениями.

Итак, одномерная человечность совершает метафизические акты не только своей одномерностью, силами своей роли, но и «одномерно» по своему качеству, сущностному содержанию: без ответственности и самовозвышающей трансформации. Можно, на наш взгляд, утверждать, что сегодня мы сталкиваемся

не столько с кризисом человеческой идентификации, сколько с кризисом жесткой, сросшейся идентичности.

Явно обнаруживается и «сопротивление» социальности: не всегда можно выйти за пределы «социальной физики» даже в актах метафизики. Но оно оказывается продуктивным и просто необходимым. Сегодня, на наш взгляд, если что и делает человека целостным, то именно социальная форма и функция, поднятые до уровня самости, идентичности. Возможно, именно благодаря этому в современном децентрированном, «шизофреническом» мире еще остается место для метафизических событий.

Работа выполнена в рамках проекта 4711 мероприятия № 2 аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 годы)».

Summary

G.K. Saykina. Is the Metaphysics of One-Dimensional and Partial Man Possible?

The article admits the possibility of living through metaphysical events by a one-dimensional and a partial man because the one-dimensionality acquires the form of individual identity, “Me” and thereby functions like a wholeness. But the inoculation of the social dimension in the sphere of metaphysics can destroy the wholeness of metaphysical essences – “metaphysical circle” and ability to suppress of some metaphysical events by others which leads to “one-dimensional” metaphysics.

Key words: metaphysics, one-dimensional man, partial man, sociality, identity, wholeness, humanity, profession, transcendental, metaphysical birth.

Литература

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
2. Мамардашвили М.К. Введение в философию // Мамардашвили М.К. Необходимость себя: Лекции. Статьи. Философские заметки. – М.: Лабиринт, 1996. – С. 7–154.
3. Бибихин В.В. Узнай себя. – СПб.: Наука, 1998. – 575 с.
4. Маркузе Г. Одномерный человек // Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – С. 251–515.
5. Мамардашвили М.К. Метафизика Арто // Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. – М.: Изд. группа «Прогресс» – «Культура», 1992. – С. 375–387.

Поступила в редакцию
21.01.09

Сайкина Гузель Кабировна – кандидат философских наук, доцент кафедры общей философии Казанского государственного университета.
E-mail: gusels@rambler.ru